

Для цитування: Шевченко І.С. Герменевтичний аспект перекладу як вторинної метакомунікації // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 609. – С. 7-11.

Please cite as: Shevchenko, I.S. (2003). Hermenevticheskij aspekt perevoda kak vtorichnoj metakommunikacii [The hermeneutic aspect of translation as a secondary metacommunication]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im.V.N. Karazina*. – *V.N. Karazin National Univ. Messenger*, 609, 7-11 (in Russian)

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА КАК ВТОРИЧНОЙ МЕТАКОММУНИКАЦИИ

Шевченко И.С., докт. филол. наук (Харьков)

Профессору Генриху Вильгельмовичу Ейгеру –

Ученому и Наставнику – в честь его 80-летия

Проблемы перевода как метакоммуникативной деятельности переводчика, транспонирующего прототекст, относятся к области актуальных, важных и широко исследуемых с различных точек зрения вопросов. Несмотря на существенные достижения исследователей в современной транслятологии метакоммуникативный процесс перевода моделируется по разному [1; 3; 4; 5; 6; 7; 13 и др.], что обуславливает необходимость его уточнения. Специфика этой метакоммуникации для английского дискурса, представленного в художественной литературе, вызывает особый интерес в теоретическом и практическом плане в связи со своеобразием собственно лингвального и герменевтического аспектов текстов на ИЯ и ПЯ, а также значимостью герменевтических лакун, нередко вызывающих трудности в процесс их перевода. Актуальность анализа психолого-герменевтического аспекта перевода усиливается недостаточной разработанностью этой проблематики [14], хотя внимание к ней в отечественной лингвистике привлекалось, в частности, Г.В. Ейгером, несколько десятилетий назад [3]. Это обуславливает цель данной статьи — рассмотрение лингвального и герменевтического аспекта перевода английских текстов в терминах метакоммуникации.

Объектом исследования выступают тексты прозы и поэзии в английской художественной литературе и их русские переводы, а предмет анализа составляют языковые (трансформационные) и герменевтические (интерпретативные) аспекты метакоммуникативной деятельности переводчика.

Источником материала для исследования избраны роман В. Голдинга «Повелитель мух» и два варианта его перевода, выполненные В. Тельниковым и Е. Суриц [16,17, 19] (далее — В.Т. и Е.С.), а также стихотворение О. Уайльда «*Impressions du matin*» в переводе В.Ю. Эльснера [18, 20].

Рассмотрение процесса перевода как метакоммуникации в ракурсе на первый взгляд столь различных теоретических подходов, как трансформационный и интерпретативный, требуют обращения к принципам транслятологии. Так, классические теории перевода постулируют эквивалентность текста перевода тексту оригинала, но не ставят под вопрос теоретическую возможность ее достижения [1; 6 и др.]. Такие теории регистрируют и систематизируют имеющийся переводческий опыт достижения эквивалентности, по образному выражению А.Н. Крюкова, «вечно идут «в хвосте» практики перевода» [8: 50]. Между тем, если рассматривать эквивалентность как асимметричность, а эквивалентные отношения оригинала и перевода как гомологические — имеющие сходство при фундаментальном различии, как это предлагает И.Э. Клюканов [9], деятельность переводчика заключается в перефразировании, переистолковывании лакунарных мест оригинала, в использовании приемов, позволяющих с помощью различных знаков восполнить, дополнить или аннулировать лакунарные фрагменты в переводном коммуникате. Отметим, что к лакунам могут относиться все различия в вербальном и невербальном коммуникативном поведении представителей различных лингвокультурных общностей, которые фиксирует художественный текст: их отличает «непонятность, непривычность (экзотичность), незнакомость (чуждость), неточность (ошибочность)» [15: 87].

В отличие от И.Э. Клюканова, Ю.А. Сорокин акцентирует творческий характер деятельности переводчика: знаки не переводят сами себя, а «переводчик если и медиатор — то креативный, реконструирующий соответствующий контекст и рядоположенность вербальных (и невербальных) цепочек в их формальном и содержательном отношении, а затем и подтекст...» [14:31]. Это свидетельствует о том, что в переводоведении сформировались как наиболее полные на сегодняшний день два подхода к теории перевода: субститутивно-трансформационный и деятельностный, которые отличаются друг от друга по ведущему критерию отношения к деятельности и к переводчику — деятелю. Если первый подход рассматривает процесс перевода как систему поиска трансформаций и замен, то деятельностный подход выдвигает на первый план понимание процесса перевода как деятельности по заданной в оригинале программе [2: 18].

Деятельностный интерпретативный подход к пониманию процесса перевода предполагает в определенной степени реконструкцию переводчиком деятельности автора в ходе продуцирования

текста оригинала — то, что М. Мамардашвили называет “реконструкцией топологии авторского пути” [12]. При этом переводчик избирает один из вариантов — свой идиовариант — программы продуцирования оригинала в соответствии с тем, в какой мере присутствует его “психотипическое сходство” с автором [14: 33]. Тем самым в переводческой деятельности в фокусе внимания ее исследователей оказывается психологический, герменевтический аспект двух актантов этой метакоммуникации — автора и переводчика, понимаемый широко: и как коммуникативная компетенция, включающая социокультурную и языковую компетенции, и как картина мира отдельных языковых личностей. В деятельностной переводческой парадигме, по мнению Ю.А. Сорокина, ведущим критерием является психотипическое подобие автора и переводчика, позволяющее “двум отдельностям — автору и переводчику, истолковывать друг друга, опираясь на инвариантные свойства своих речевых и неречевых программ” [там же: 33], что приводит к пониманию теории перевода как психотипической интерпретативной теории.

Поскольку деятельностный подход к теории перевода позволяет считать его метакоммуникативной деятельностью переводчика, как всякую деятельность ее можно моделировать в виде схемы передачи языковой информации, сопряженной с трансформацией этой информации, целью которой является достижение эквивалентности информации на терминалах «вход» и «выход». Эквивалентность между прото- и метатекстами может быть различного характера, по мнению В. Мирошниченко, это: (1) денотативная эквивалентность (фоновая/экстралингвистическая информационная эквивалентность); (2) коннотативная, которая включает стилистический регистр или говор, на котором общается данное сообщество (*sociolecte*), и географическая среда, в которой распространена упомянутая культура; (3) структурно-нормативная эквивалентность, когда главным правилом является сохранение жанровой специфики первоисточника; (4) прагматическая эквивалентность, которая предусматривает адаптацию содержания оригинала для его правильного восприятия читателем перевода; (5) формально-эстетическая эквивалентность, когда должно быть отображено впечатление, которое сигнализирует текст оригинала [11].

Ошибки переводчика на пути создания эквивалентного транслята могут быть сгруппированы в соответствии с этапами его деятельности: ошибки восприятия текста оригинала и ошибки порождения переводного текста. Обе группы ошибок включают как пробелы в языковой компетенции (недостаточное владение языком оригинала либо неумение найти семантический, грамматический, стилистический эквивалент в языке перевода), так и герменевтические лакуны

(непонимание предмета, незнание соответствующего фрагмента действительности и пр.), на что, в частности, обращает внимание Г.В. Ейгер, когда говорит о психологическом аспекте перевода [3]. Поэтому к перечисленным факторам эквивалентности представляется необходимым добавить герменевтическое соответствие как важный компонент адекватности переведенного текста, сознательно или интуитивно достигаемое переводчиком. На сегодняшний день герменевтический аспект перевода менее разработан в транслятологии, более фокусирующей внимание на теоретических и технических проблемах преобразования текста оригинала в текст перевода, чем на проблемах оптимизации понимания текста оригинала во всей совокупности передаваемой прямо и косвенно информации. Между тем, между трансформационной и интерпретативной трактовками переводческого процесса нет непреодолимого противоречия. Теоретическое обобщение названных подходов к трактовке сущности процесса перевода позволяет предположить, что они носят скорее взаимодополняющий характер, а предлагаемый ниже анализ переводческой практики в художественной прозе и поэзии объективирует приоритетность того или иного подхода в зависимости от специфики текста оригинала и задач, решаемых в процессе перевода. Обратимся к фактам переводческой действительности.

Субститутивно-трансформационный подход трактует процесс перевода как систему поиска лексико-грамматических трансформаций и замен.

Деятельностный подход к процессу перевода как метакоммуникации выдвигает на первый план аспект переводчика – деятеля, осуществляющего свои метакоммуникативные действия по заданной в оригинале программе. Это обуславливает особый интерес к психотипической характеристике личности переводчика, его способности интерпретировать текст и подтекст, “проговариваемое и недоговариваемое” оригинала, максимально приблизиться к внутреннему миру личности автора. В этом смысле анализ метакоммуникации при переводе текста заставляет прежде всего обратить внимание на глубину и точность отражаемого контекста.....

.....

Все сказанное позволяет сделать несколько взаимосвязанных выводов: вывод о важности психологического и герменевтического аспекта переводческой деятельности; и заключение том, что теории перевода несводимы к одной объяснительной модели метакоммуникации, удовлетворяющей всем текстам. В зависимости от жанровой специфики, целей метакоммуникации, осуществляемой в процессе перевода, в ней доминируют различные техники и подходы, что можно представить как преимущественно трансформационные или

интерпретативно-психологические модели, не исключающие, а дополняющие друг друга.

Дальнейшее изучение вторичной метакоммуникации перевода как герменевтически ориентированной деятельности на материале различных языков и текстов разных жанров представляется перспективной задачей трансятологии.

ср.:

«The Tames nocturne of blue and gold

Changed to a Harmony in grey:

A barge with ochre-coloured hay

Dropt from the warf: and chill and cold.” (O. Wilde) →

“НоктюРН уснувшей Темзы сине-золотой

Аккорды пепельно-жемчужные сенили.

Тяжелый бот проплыл над сонною водой,

И тени дрогнули, — безвольно отступили.”

В тексте перевода В.Ю. Эльснером стихотворения “*Impressions du matin*” О. Уайльда обнаруживаем деформацию когниосферы автора: французское название стихотворения, написанного в 1881 г., со всей очевидностью проводит семиотическую параллель с названием картины К. Моне «Впечатление. Восход солнца (*Impression. Soleil levant*)» — знакового явления, ставшего после выставки 1874 г. в Париже символом импрессионизма и давшего название этому направлению в искусстве. На это указывают и авторские образы — своеобразная «вербальная живопись», в которых цвет играет первостепенное значение. Психолого-герменевтическая ошибка переводчика основана на игнорировании им того факта, что интерес О. Уайльда к импрессионизму в живописи не был случайным или преходящим: импрессионистические тенденции достаточно четко прослеживаются и в литературном творчестве самого О. Уайльда, в его поэзии, драматургии, прозе. В авторском тексте стихотворения присутствуют образы и их характеристики, типичные для раннего импрессионизма в живописи: яркость, прозрачность красок (желтые, голубые и др.); расплывчатость, силуэтность линий, теней и полутеней; частое изображение на полотне рек,

соборов, мостов. Однако для переводчика живописная семиотика О. Уайльда остается лакуной: она не раскрыта в названии, не передана и в первой строфе: ср.: *Harmony* → *аккорд* (изменение семиотики оригинала с живописного знака на музыкальный), *ochre-coloured* → *сонная*.

The yellow fog came creeping down

The bridges, till the houses' walls

Seemed changed to shadows and St. Paul's

Loomed like a bubble o'er the town. (O. Wilde) →

Клубами мутными сползал в реку туман,

Домов неясные вставали очертанья.

Рассвет задул огни... но чудился обман, —

И медлил бледный день вернуться из изгнанья.

Во второй строфе авторский образ реки, моста, тумана “*The yellow fog came creeping down The bridges*”, частично опускается в переводе, ограничиваясь привязкой к реке: «*Клубами мутными сползал в реку туман*»: теряется авторский образ моста, необходимый для импрессионистической ассоциации. Искажается и светлая цветовая палитра, столь важная для «вербальной живописи» Уайльда (*yellow fog* → *мутный*), что существенно обедняет конструкт, не передает глубины контекста оригинала. Тем самым можно говорить о сужении описываемой в оригинале ситуации и, как следствие, сужении его имплицитности, вследствие чего в конструкте практически не прочитывается подтекстная связь с полотнами импрессионистов.

В отдельных случаях, в частности, при переводе реалий, разграничение языковой компетенции переводчика и герменевтического аспекта его деятельности вторичной метакоммуникации оказывается условным: для переводчика и, следовательно, читателя перевода, остается лакуной такая реальия жизни английской столицы XIX в., описываемая в третьей строфе, как *country waggons* («*the streets were stirred With country waggons*») → в переводе *телеги* («*По камням застучали ободы телег*»). Такое название повозки скорее ассоциируется с реалиями славянского быта, деформирует образ Лондона в восприятии носителя не-английской культуры.

Искажение в переводе размеров описываемого собора Св. Павла, практическое пренебрежение ими, как и неадекватная замена лексики *loom* → *блестеть* (*loom* – appear as a tall, unclear shape, often in a frightening way [Collins]), приводит к образованию лакуны-меронима: ср.: “*St. Paul's Loomed like a bubble o'er the town*” → «*Блеснул соборный купол матовый и влажный*». Тем самым акцент автора на описании собора как огромного, зловещего, нависающего над

городом, заменяется в конструкте выделением другой темы высказывания — влажности, матовости купола, что сопровождается изменением объема ремы: имя личное собственное в оригинале (*St. Paul*) заменяется на родо-видовое *собор*.

*But one pale woman all alone,
The daylight kissing her wan hair,
Loitered beneath the gas lamps flare,
With lips of flame and heart of stone.* (O. Wilde) →

*Ночная женщина стояла у панели.
На бледных волосах дрожал лучей поток,
Как угли жаркие — уста ее алели,
Но сердцу камнем быть велел бесстрастный рок.*

В последней строфе вместо “*one pale woman all alone*” читаем: «ночная женщина стояла у панели». Вероятное объяснение применения неадекватной с точки зрения герменевтического аспекта оригинала идиотехники уточнения в переводе следует искать в прагматической сверхзадаче переводчика (стремление соответствовать модной в то время эпатажности стиха?) (напомним, что перевод выполнен в 1909 г.), или просто в желании «прояснить оригинал». Так в русском переводе вводится *панель* и, как результат, тонкость и изящество О. Уальда, доверяющего читателю самому расшифровать подтекст, не называя прямо эту женщину, а указывая лишь на деталь – цвет губ, отличающую женщину ее профессии “*With lips of flame*”, – исчезает в тяжеловесном добавлении переводчика. Авторский образ *heart of stone* «додумывается» переводчиком и дополняется введенным им *роком*. Этот тип ошибки состоит в замене элементов авторской когниосферы на элементы идиосферы переводчика. Бросается в глаза и стилистическая «заштампованность» перевода, влияние в нем литературных штампов отечественной поэзии начала XX века: *бесстрастный рок, жаркие угли*;; бледность лица женщины в оригинале оказывается замененной в переводе на неудобопредставляемую *бледность волос*. Описанные переводческие несоответствия психолого-герменевтического плана отсылают исследователя к вопросу об общей культуре переводчика, о его когнитивном опыте, психологических навыках работы, его умении и возможности «настроиться» на психологическую «волну» автора оригинала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Междунар.отношения, 1975. — 240 с.
2. Галеева Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. —

Тверь: ТГУ, 1997. — 188 с. 3. Г.В.Ейгер, В.Л.Юхт. Некоторые психолингвистические аспекты процесса перевода научно-технической литературы (взаимодействие фоновых и языковых знаний переводчика) // Тетради переводчика. — М., 1987. — Вып. 22 — С. 87-93. 4. Зорівчак Р.П. Художній переклад в Україні як чинник формування нації // Мовні і концептуальні картини світу: Зб. Наук. Праць. — Київ: Вид-во КНУ, 2001. — С.129-132. 5. Карабан В.І. Посібник-довідник з перекладу англійської наукової і технічної літератури на українську мову. — Київ – Кременчук: КДП, 1999. — 250 с. 6. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. — М.: ЧеРо, 2000. — 136 с. 7. Корунец І.В. З мови Твена та Уїтмена (художня література США в українських перекладах) //Статті з теорії, критики та історії художнього перекладу. — К.: Дніпро, 1982. — С. 162 – 175. 8. Крюков А.Н. Методологическая рефлексия как вид познавательной деятельности. — М.: Высшая шк., 1988. — 225 с. 9. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного общения. — Тверь: ТГУ, 1998. — 256 с. 10. Лесик Д.А. Способы перевода английского детского дискурса // In statu nascendi. Зб. наук. статей студентів. Вип. 3. — Харків: Константа, 2002. — С.47 – 50. 11. Мирошниченко В.В. ..Авторська концепція у перекладі. — Запоріжжя: ...2002. - ...с. 12. Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). — М., 1995. 128 с. 13. Попович А. Проблемы художественного перевода. — М.: Высшая шк., 1980. — 199 с. 14. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. — М.: Гнозис, 2003. — 160 с. 15. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун //Лексические единицы и организация структуры литературного текста. — Калинин, 1983. — С.16 – 35.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

16. Голдинг В. Повелитель мух/ Пер. Тельников В.В. // Вокруг света. — 1969. — №7. 17. Голдинг В. Повелитель мух/ Пер. Суриц Е.П.— М.: Просвещение, 2000. — 243 с. 18. Уайльд О. Утро /Пер. Эльснер В.Ю// Английская поэзия в русских переводах. — М.: Прогресс, 1981. — С.483. 19. Golding W. Lord of the Flies. — New -York: Van Rees Press, 1962. — 243 p. 20. Wilde O. Impressions du matin // Английская поэзия в русских переводах. — М.: Прогресс, 1981. — С.482.